— Чёрт…

— Гм.

Под прямыми лучами солнца, налитые силой, бронзовые мускулы Эктора, стража деревни Рэ’Пал то напрягались, то расслаблялись. Под суровым взглядом, могли гнуться стальные балки, а в руках его сиял железный прут, который тот периодически гнул, разминал и перегибал. Прут скручивался в петлю, завязывался в бант и другие причудливые узоры. Со стороны могло показаться, Эктор занимался бесполезными вещами, но нет. Это было далеко не бесполезно. Таким образом, справедливый учитель демонстрировал свои возможности одному конкретному юноше, чей нрав не знал границ. Эктор словно говорил: «Вот, что я с тобой сделаю, если не будешь слушаться». Месяц назад, у него внезапно появился новый ученик, и ученик был упертым как баран. Упертых людей он умел приструнить, и будь сложность лишь в упёртости, никакой проблемой это не называли бы. Его второй официальный ученик — Нилрем, был завидным гордецом, который любил себя превозносить.

И ведь, тот высокомерный малец имел на это право.

В сознании стража, все всплывали воспоминания, о спаррингах, которые он проводил. Под его крылом могла греться как змея, так и орёл. Все зависело от Эктора, и как он направит талант парня. Это и решит судьбу мира.

А потому!

— Чёрт, — очередное отжимание, вырвало из глотки Нилрема ругательство.

— Уже тридцать, — посчитал их внимательно первый ученик Эктора — Рутра. — тебе не надоело ругаться?

— Чёрт.

Казалось, Грейрат позабыл остальные слова, оставив огроменный пробел в своем лексиконе.

С него сходил уже девятый пот, руки тряслись, а вены на лбу вздулись от нагрузки.

— Чёр…

Скрипнул металл в руках наставника. Недовольство стража столь плотным потоком вырвалось наружу, что его можно есть ложкой, соскребая с бронзового телосложения.

— Прекрати, и делай отжимания, — заметил Эктор, направляя кусок арматуры в своего несмышленого помощника Рутра. — и ты не отлынивай.

— Ох, — вздохнув сильнее чем всегда, Рутра принял упор лёжа, и начал отжиматься от пола. Короткая трава каждый раз щекотала его нос.

«Он сегодня суровее, обычного», мысли костлявого парня сменяли одна одну.

Своими стальными рукавицами, Эктор собирался выправить уж больно проворного и живучего гада. «Таракан!», как-то выкрикнул Эктор, не сдержав разочарования при спарринге. Он не особо сдерживался, и кости ломались больше обычного. Сколько бы кулаки не били, как бы не выкручивал руки, Нилрем все продолжал вставать, исцеляться, и трепать себя, сбрасывая грязь.

Правда была в том, что такого жесткого воспитания не заслуживал его первый ученик. Эктор желал воспитывать их равными, без разделения на слабых и сильных. По всем признакам, Рутра был силен, возможно даже сильнейшим, в плане духа, а ещё очень добрым. Но вот все остальное… Тут никто не мог сдержать печальной улыбки. Опустить глаза и ковыряться ими в земле, только так мог поступать Эктор, когда после года тренировок, Рутра спросил его: «Почему я не становлюсь сильнее?»

Дабы не давить на племянника разницей в отношении, Эктор с тяжелым сердцем решил тренировать по той же программе, по которой таскал Нилрема.

О, этого наглеца ему хотелось… придушить собственными руками. В деревне ни с кем не обращается на равных, разве что подлизаться к старосте, желая выменять побольше услуг на деньги. К звонким золотым малыш пристрастился, только заработав первый серебряный.

Его даже успела нанять соседняя деревушка. Просили мага наколдовать дождик. Эктор, как опекун, естественно отправлялся на заказ вместе с ним. Страж собственными глазами видел неприкрытый взгляд пацана на серебряный кругляш.

«В будущем мой ученик может быть известен как жадный и мелочный…» Такого послушного списка не желал иметь у себя ни один учитель.

— Все, закончил, старик, — поднявшись на ноги, он беззаботно сложил руки на груди.

— Секунду назад так ворчал, а сейчас уже… — Рутра заметил очевидное преображение.

— Старик запрещает мне использовать лечение во время отжиманий, но после, ни слова.

— Как удобно.

— Конечно удобно.

После, Нилрема с задержкой в минуту, свои отжимания закончил и Рутра. Эктор окинул взглядом двоих парней и чуть усмехнулся.

«Им ещё столько придется пройти», в их силуэтах, он заметил что-то родное и знакомое. Сердце воина мазнуло кистью перед глазами, мелькнул образ брата и его самого. Они оба учились у одного человека.

— Рад что вы дружите, — искренне улыбнулся Эктор, когда подошёл и потрепал волосы малышам.

— Мы не друзья, ты сбрендил? — Нил говорил спокойно, словно это само-собой разумеется. — я просто его использую.

— Конечно, — Эктор насторожился бы… Не проследи однажды за ними.

Нилрем приводил к своему дому группу ребятишек, в которую входил и сам Рутра. Эктору было сложно в это поверить, но мелких, Грейрат каким-то образом сумел завлечь и сплотить вокруг себя. Дети без нареканий слушались его и помогали ему по дому. То, где изначально, как замышлял Пол, должен был справиться Нилрем своими собственными силами, тот проявил недюжую смекалку, припахав к работе деревенских детей. Самоорганизацией мелких он занимался с чувством ответственности. Словно игрался в короля и подчинённых.

— Ну все, мы пошли, — махнув рукой, Голубоглазый блондин утащил с собой Рутру, который не успел нормально отдохнуть.

— Берегите себя, сорванцы.

***

Прошло больше месяца с момента попадания. Попал в деревню! Это какое-то отсталое средневековье. С первой попытки победить продвинутого мечника не получилось. Со второй тоже. И с третьей…

На пятой, ко мне начали подползать мысли, мол без смертельных заклинаний стража не одолеть. Какая-то непонятная ситуация получается. Из деревни не уйти, в самой деревне же слегка скучновато. Уйти бы, но куда? Да и зачем?

Мой великий ум нашел себе забаву по запросу. Я покупал рабов! Вернее, будет называть это покупной работой, ведь так думают родители будущих жильцов этого посёлка.

Как ни странно, но здешние дети слушались меня отнюдь не на одной моей харизме. Это резало по моему самолюбию, но всем подобраться у меня не было возможности. Учитывая, что именно я пришлый, довелось скормить несмышленышам парочку историй о том, как победил окрестных монстров, как бандитов отогнал от сестры и все в таком духе, дабы местный народец меня зауважал и принял за «бывалого воина». Провернуть это оказалось не сложно, а реализовать, не так и тягостно, в особенности, когда на «доказательства», часто достаточно подкинуть один шар огня в небо. Некоторым девушкам, простите, девочкам, я определенно приглянулся, другие парни уважали из силы, самые умные желали услуг. В общем обычное первобытное общество только из мелких личинок настоящих личностей. Какая прелесть, наблюдать за их потугами обмана и развития. Думают, я не замечаю их хитростей, их хитрых взглядов. Мне хватило менее одной недели, чтобы понять, какого контингента сброд здесь шатается.

На первый взгляд, сила из десятка детей, небольшая, но вот, на деле, благодаря моему руководству, мелкая сила уже очистила дом, залатали чердак (там были мелкие дыры), и сейчас перешли на первый этаж. Совсем скоро они будут пахать в поле, а после и строить мне пирамиды! Ха-ха, до чего потешный симулятор градостроитель!

Так и жду окончания этой демоверсии, чтобы собрать настоящую, полноценную и большую толпу.

— Да, поработали сегодня на славу, только вот Учитель слишком налегает.

Был справа от меня, человек, который вызывал во мне беспокойство. Помнится, я его припугнуть хотел, как-то надломить, сменить ориентиры в его бестолковой жизни, а все как об камень горох. Рутра продолжает феерию лицемера. Он крепко стал на сторону односельчан, защищая их от моих нападок, едва ли, не считая меня Королём Демонов каким-то. Да и сам, взрослеть не собирается вообще. Я ему талдычу: «Тебя используют!» Он мне улыбается и машет.

Я бы сказал: «До глупости добрый», но здесь другое на языке назревает, и вместо «добрый», стоит слово «тупой», или же «упертый». Альтруистические порывы данного индивида вводили меня в ступор. Но, себе приходилось напоминать, о его природе. Он ещё ребёнок, возможно ещё перерастёт эту свою доброту.

— А вот и мы! — Рутра улыбчиво расставил руки, группке ребят, что уже начали работы. Раньше он не подходил близко к ребятам, и только со стороны смотрел за их играми, теперь же, он как можно быстрее пытался затеряться в работе вместе со всеми. Впрочем сам тандем детишек не шибко рад был его доброте и приходу.

В моем доме кроме еды и одной книги ничего ценного нет. Книги им неинтересны, ещё слишком малы, вот и не волнуюсь за неё.

— О, Нилрем пришёл!

— Привет, Нил!

— Как дела, Нил-ю?

Последним именем меня начали обзывать девочки. Им нравилось дурачится, коверкая мое имя в знамом только им образе.

Сдержав нелестные слова, мне удалось притянуть себе полуулыбку.

— Да, давайте продолжим, как вчера и договаривались.

Мне нет резона выполнять крестьянскую работу. Её исполнит крестьянин, мне остаётся только смотреть и улыбаться. До чего логичная цепочка. Все работают, никого лишнего.

Создав у себя в саду, который преобразился из заброшенного в ухоженный, стул, я присел за стол, закинув ногу на ногу и достал единственную чайную кружечку, на которую заработал и за которой нужен глаз да глаз. Конечно, в таком сосуде может хранится только приятная и ароматная жидкость. Чайные травы мне удалось вырастить самому, а после просто высушить. Ничего того, чего я не мог бы сделать магией.

— Да, — тихо протянул я, делая первый глоток. И в тот же миг, меня обдуло легким летним ветерком, а глаза застилали теплые солнечные лучики. Нет ничего приятнее отдыхать, когда вокруг кипит работа.

М, за время пока мои будущие подданные работали, я начал просматривать книгу по Анатомии. Брать новые страницы больше не откуда, а оставшиеся приходится хранить как можно сильнее. У старосты покупать страницы слишком… дорого.

— Эй, Нилрем, я закончил, — ко мне подскочил человек-палка, Рутра по-простому. Его взгляд все так же пробирал, а время неумолимо наращивало на мое сердце панцирь против такого.

— Очень хорошо, — подбородок качнулся, выражая согласие, а после рука отставила чашку на стол. — дальше можешь пойти помогать ребятам.

— Понял, — наивное дитя с пугающим взглядом, какая ядрёная смесь.

Я вернул внимание на книгу, от которой меня оторвали недовольным бубнением уже через десять минут.

— Послушай, Нил, — единственный, кто имел право так со мной говорить, был подростком. Самый взрослый в этой шайке и, как водится, самый хитрый, да жадный. Уже распробовавший перспективы моих возможностей на себе, он не сумел устоять искушению, впрочем, поступил умно, не вымогая мои услуги, а задабривая. Парень смотрит на перспективу. От моих глаз к

нему не больше двух метров, черты тела да лица казались серыми и незапоминающимися, обычный мальчик, ничем не выделяется. Черные короткие волосы, среднее телосложение для тринадцати лет и в принципе все. В краткость его зову «Травник». — там Рутра…

— Что-то случилось? — приподняв бровь, мне замотали головой.

— Нет, просто его… как бы сказать, — а вот и признаки его изворотливости. Обычный ребёнок сказал бы сразу, он хитрит и виляет. — знаю он твой друг.

— Ты ошибаешься.

— Что?

— Ошибаешься говорю, он мне не друг, — как и все вы. Никто из вас и близко мне не товарищ, обычный расходный материал.

«Да, правильно, сожмись сильнее, червь» я давно понял, почему этот старший пресмыкаться перед мной. Его толкала в спину не только жадность, но и жалкость. Придавить его взглядом легче лёгкого, в банде одногодок он был бы мальчиком для битья. Единственный товарищ, способный быть со мной на равных и понимающий меня — Рудэус. Знать это другим не надо, но и неважно. — говори, что хотел и возвращайся к роботе если хочешь получить травы.

— Рутра никому не нравится, — как на духу ответил Травник. Сознаться ему было сложно.

— И?

— Мы не можем так работать, неприятно с ним находится рядом, а ещё он слабее девчонок, — такой знакомый мне жест, потирать руки друг о друга да выдавить из себя жалкую пародию на улыбку, проделал в точности как староста, или приезжий торговец. — тебе лучше не водится с ним вовсе.

— Считаешь себя в праве решать, с кем мне водится?

— Н-нет! Как ты мог такое подумать…

«Понятно» промелькнуло в мыслях на секунду.

— Тогда позовите его ко мне.

Ровно через минуту, глаза черкнули бодро подошедшего Рутру. Рыжие волосы чуть слиплись от пота, а его состояние невозможно назвать спокойным, грудь беспокойно вздымалась.

— Отдохни, присаживайся, — ещё до прихода костлявого, был воссоздан стул, пониже моего.

— Н-нет, я постою, — мне отказали по совершенно дикой и идиотской причине. — неприятно, когда ты сидишь, а другие работают…

— Садись, мне все равно.

Стукнув ладонью по столе, мой подбородок указал на стул. Как вообще можно мне отказывать? Наглость — второе счастье?

— Ладно.

Присев, его фигура уменьшилась, сжалась и принялась копировать карликовую черепаху. Глаза этого парня летали по орбите, врезаясь то в мой взгляд, то в стол или стул. Закончили они на том, что упёрлись в пол. Он засмотрелся на траву, найдя её идеальным объектом созерцания.

— На тебя жаловались.

— Что?

Я не ответил сразу, подняв чашку чая и отпив её, медленно наслаждаясь каждой каплей. Лишь по прошествии нескольких вздохов, позволил себе продолжить.

— Просили перестать с тобой общаться. Им неприятно с тобой работать.

— …м-м.

— Не расскажешь, почему? Уже как месяц я в этой деревне чахну, а твоего прогресса не вижу. Ни в силе, ни в скорости. У тебя даже друзей не было, а другие дети тебя сторонятся. Отчего же? Знаешь?

— Знаю конечно, ха-ха, — добряк ответил быстро, поглаживая ладонью свою шевелюру. — меня с рождения сторонились, считали пришлым с демонического континента.

— Раньше ты мне такого не говорил.

— А тебе так хочется услышать? В твоём голосе ни грамма интереса.

Кажется, мне впервые сказали что-то умное и правдивое.

— Ты прав, мне нет интереса к истории инструмента, которым я пользуюсь. Тем не менее, данный факт не отменяет мои вопросы. Ответь на них, будь добр.

Встала тишина, которую разбавляли приглушенные голоса со стороны дома, где убирались дети. Взгляд Рутры поднялся и упёрся мне в переносицу отчего я на секунду потерял самообладание, сжав покрепче руку в кулак. Казалось на меня сейчас накинутся, но секунды все тянулись, преобразуясь в первую минуту.

— Это потому что я другой. Не такой как они, слишком костляв, а поначалу ещё и неуклюж был. Меня сторонились из-за моего слабого тела, даже задирать не могли, за моей спиной вечно был дядя Эктор. Думаю, никто не хочет со мной дружить из-за моего страшного тела, — какие бы слова не выходили из его уст, каким бы тоном они не были сказаны, его лицо все улыбалось, держало улыбку, как если бы подражало кому-то. Даже капли недовольства или враждебности. — ха-ха, прости меня что я такой слабый.

Он извиняется за свою слабость. Ха-а… Дожили. Вижу же, как несправедлива жизнь к отдельным личностям. Не обязательно страдают те, кто повинен. Его уродство тяжёлым грузом лежит на хрупких плечах. То чего нельзя изменить…

— Не выставляй все так, словно ты не в силах ничего изменить. Даже не думай строить глаза и жаловаться на судьбу.

— И не буду. И не думал. Если честно, одно то, что я жив уже чудо. Все целители отсчитывали мне меньше восьми лет. Но смотри, хех, да я везунчик. Восемь лет прошло, а ещё жив. Жаль,

отцовское наследие не смогу реализовать. Ты был прав. Побеждать… весело, я видел, как радуются победители. Смогу ли я так же?

— Уже смог. Просто прекрати этот фарс. Жизнь коротка? Тогда живи так, как никто не жил. Тело слабое? Так не вешай мне тут сопли на кулак, иначе я им тебя же ударю, иди и ищи способ стать сильным. Не ясно, что ли? А ты продолжаешь здесь сидеть в деревне и ждать чуда? Если уж ждёшь мудреца, который тебя вылечит, то по крайней мере будь счастлив, пока жив.

Такую бездарную и смешную истину, столь смехотворные слова я мог сказать только ему. Мне не желалось топить огонек подобных волевых глаз, такому ростку ещё расти и расти. Неужели неясно? Как вы ещё не поняли?

— Счастлив, потому что, жив? — мои слова, казалось, отразились в его взгляде. То, что собиралось тихо потухнуть под гнётом недостойных, на моем веку разгорится больше чем задумывалось. Только нижняя губа принялась оттопыриваться в жесте плача, как на его смену влетел другой тип эмоции. Хохот маленького ребенка, который заставил меня усомнится в ментальном состоянии Рутры, донёсся и до остальных работяг в доме. Они остановились и перевели глаза-ножи на нас.

— А-ха-ха-ха-ха! Нет. пф… хи-хи, такое точно… — мое лицо успокоилось и выровнялось на спокойное, с лёгкой полуулыбкой. Иногда очень сложно себя держать в узде. Я ещё слишком не тренирован в плане эмоций на лице. Тот же пульс мне легко выровнять. — …в твоём стиле… ха. Спасибо, мне стало лучше.

— Если ты выслушал меня, то теперь можешь вернутся к работе, — проводив его рукой, я заметил, как никто и с места не шевельнулся. Рутра все сидел за столом, а дети по другую сторону, продолжали тыкать в него острыми как нож глазами.

— Может мне отдельно где-то работать? Я конечно понимаю, о чем ты мне говорил, но меня же недолюбливают.

— Послушай, сколько ещё детей есть в деревне?

— Нашего возраста больше нет, только много младше и много страше, но их мало.

— То есть, ты уходишь от большинства, снова будешь один, помогать старикам и старушкам за просто так, — непревзойденный пас рукой, в моем исполнении, создал шар воды.

— Ой-ой, — подскочил Рутра, прикрываясь ладонями. Добрый и сообразительный. Ещё бы секунду и стул под ним, вернулся бы в землю, откуда взят. — Только не мочи, я ж простужусь и заболею!

— А я тебя вылечу.

Моя претензия была проста.

Почему ты ещё не работаешь?

Какая мне разница между двумя инструментами, которые не ладят между собой? Тем более, других друзей ему не завести. Пусть под моим присмотром, с моей подачки начнет путь. Другие его отвергают и терпят только потому что я с ним вожусь. Почему я так зациклен на этом парне? Знал бы почему, не задавал бы глупых вопросов. Может не нравятся мне добрячки

на подобии Рутры, и хочется опорочить столь идеальный образ? Если это так, тогда я двигаюсь в правильном направлении. Тьму в его сердце может занести только другой человек.

— Эй, кто хочет намокнуть? — развернувшись на сто восемьдесят от Рутры, я нацелился на детей водяным шаром, меняя периодически цель, когда дети прятались за стенами дома, в кустах или за деревом.

Все запищали, что мальчики, что девочки. Им была известна сила этих шаров, как-то раз, в качестве оплаты, попросили устроить представление, вот и устроил.

— Слушать меня, — скомандовав, ладонь опустилась на плечо костлявого, подтягивая его ко мне. — он будет сильнее. Ваша задача ему помочь с этим.

— Что? Нилрем, зачем нам это делать? — обращался младший, кажется чуть мельче меня. Смотрел с непоняткой и приподнятой бровью.

— Хах, потому что.

Ответ сразил детей на повал. Кажется, им присуща логика и примитивное знание дела. Не просто так они мне помогают.

— Это как?

— А вот так, вы же делаете один лишний вдох, просто так. Верно? Вот и возьмите, да помогите ему стать сильнее так же «потому что». Если этого недостаточно, считайте это моей личной просьбой. Или моя просьба — мелочная чушь?

Многие потупили взгляд, а их взгляды принялись сверлить траву, да мнуть пальцы рук. Устаканилась плохая тишина. Кажется, одного месяца недостаточно. Придётся им внимания уделить больше. Пускать на самотёк детей нельзя. Им может просто надоесть моя компания, или они могут сорваться с крючка «Харизма», которым я, естественно обладаю. Трудно держать в тонусе идейных подчинённых. Только ослабь хватку, перестань нависать над ними, и они просто разбегутся, останутся лишь немногочисленные дети которым я траву выращиваю да другие услуги предоставляю.

— Ладно, — хлопнув в ладоши, я возвращал все внимание назад. Взгляды скрещивались на мне, переставая рыть землю этим нелепым образом. — тогда давайте так. Я самолично сделаю Рутру сильнее, вам остаётся просто с ним общаться. Разве это так сложно?

— Нил-ю, но разве тебя это не затруднит?

— Нисколько. Любой из вас для меня ценен, и если понадобится, каждый станет сильнее, повторюсь, если будет такая надобность.

Иногда доводится проявлять и доброту. Ласковый правитель. Любимчик народа… Чего-то такого боялся Рудэус. Страх толпы очень бьёт по голове.

Рутра же решил подобить тому, кого я только вспомнил. Весь покраснел, прикрыв рот рукой, он прямо заявил:

— Спасибо.

Его состояние, это не болезнь или недуг. Такое не вылечить простым сожжением старых,

неправильных клеток, как я делал с Лили. Тут надо вмешиваться в гены. Хех, мне что впервые ставить пред собой невыполнимую задачу? На первый взгляд, та ж Лили мне казалась безнадёжно больной. Свои страхи и неуверенность мне лучше прикрывать и прятать. Они никому не нужны. Возвращаясь к Рутре…

Честный парень. Бескорыстный. Альтруист. С «правильными» моральными ориентирами на помощь окружающим. Иногда кажется, что ему забыли рассказать о границах подобной доброты. За этот месяц я успел два раза задаться мелочным вопросом. Сейчас это произошло в третий раз. «Заполучив в свои руки силу, как подобный сломленный человек, будет относиться ко мне? Ведь я — его природный враг, эгоист».

http://tl.rulate.ru/book/84638/2769500